

пошлим к черту Корыстень и поедем в Ленинград". Но у нас не было денег - мы были нищие студенты. Ну я там преподавала, но мы эти деньги тратили на книги, на поездки какие-то. Тогда мы поехали в Житомир, подписали согдасие работать в Корыстене, получили подъемные деньги и на эти деньги уехали в Ленинград.

- И тогда было возможно просто поехать в Ленинград и жить там, без паспорта?

- Паспортизация была позже на год или два. Тогда были очень неприятные вещи на почте, сейчас этого никто не знает: человек получал повестку на посылку, приходил и говорил: "Мне посылка". "От кого посылка и откуда?" И ты должен был ответить, потому что не было никакого способа проверить кто ты такой, может быть, ты отобрал у кого-то повестку. А годы были трудные, посылка была целое богатство. И если вы не знали от кого и откуда посылка, вам ее не выдавали. Я помню, что у меня по этому поводу однажды был ужасный скандал. Мне прислали бандероль с какой-то книгой, которую я не ждала - киевляне друзья прислали мне какие-то стихи, а мне не хотели ее выдавать. Но я поскандалила, и мне ее выдали. Так вот, мы приехали в Ленинград - потом мы узнали, что был объявлен розыск, потому что мы деньги взяли, подъемные, ведь мы же сказали, что будем работать в Корыстене, а сами поехали в Ленинград, и нас разыскивали. Но дело в том, что они, по-видимому, по такому поводу не могли объявить всесоюзный розыск, объявили только республиканский, а это была Украина, а на Украине нас не было, мы были в Ленинграде. Поэтому нас не поймали. Вообще-то это была кража казенных денег.

- Большой криминал?

- Конечно, нас бы судили. Судили и посадили, но он как-то тоже

From 30
↑
T059

не боялся ничего.

- В Ленинграде тогда можно было найти квартиру или комнату?

- Нет, с квартирой было очень плохо, и мы сняли чулан в пригороде в Лисьем Носу. Этот чулан был примыкающий к дому курятник, где куры раньше жили. И там были доски с такими вот щелями, а зима-то там суровая, а мы приехали уже осень надвигалась. И мы сняли на другой станции комнату уже в теплом зимнем доме, и жили там. Причем жили очень забавно: мы с утра уезжали в Ленинград поездом - электричек еще не было - в темноте в пять утра. И купили большой таз, в котором стирают, и в нем варили макароны. Сваришь полный таз, а потом вечером приезжаешь, отхватишь кусок, на сковородку - такой был тогда говяжий жир, я думаю, аналога его в Америке не было, - разогреешь и ешь. Утром - то же самое. То есть, два раза в день ели эти макароны, больше ничего у нас не было.

- А в течение дня ничего не ели там в Ленинграде?

- Нет, потому что у нас не было денег.

- А что вы там делали?

- Мы оба работали в школе. Работу было очень легко найти.

- Работу легко, а квартиру трудно?

- С квартирами было совершенно невозможно. Ну вот, через год я оставила его. Очень мирно. Я съездила к матери в Житомир, сказала, что я не хочу больше с ним быть, и приехала просто забрать вещи.

- Вы мне сказали, что он подлец. Что это значит подлец, в каком смысле подлец?

- Во всех. Но он стал в школе просто кумиром ребят, любимый учитель. Знаете, как бывает: любимый учитель. Он потом и женился

на одной из этих учениц. Они все молились на него, он был очень обаятельный, очень.

- И бабник?

- Бабник? Это не то слово.

- Отец ваш тоже был бабник?

- Да. Но я думаю, что он был менее изысканный бабник, потому что этот, например, звонил мне в школу и говорил: "Наташа, давай сегодня раньше поедем домой, потому что я раньше освобождаюсь".

Я мчалась домой, ждала его там, а его все нет и нет, ^{нет} и нет. И только на следующий вечер он появлялся. И когда я спрашивала его:

"Слушай, что произошло?" Он отвечал: "Я был с женщинами и в пив-
нухе". "Так зачем же ты звонил мне, ты знал тогда уже?..." Он

отвечал: "Я знал уже, что не собираюсь идти домой, а провести грязный вечер. Но ты не понимаешь, что такое сидеть в пивной,

пить пиво с потаскухами и знать, что дома тебя ждет чистая, любя-
щая женщина, а без этого это теряет смысл". Вот так.

- Да, это как бы дает некоторый вкус ...

- Да, и он не скрывал этого от меня.

- Честный все-таки был.

- Он мне объяснял такие вещи. Ну вообще, мне его романы надоели. Детей он не хотел вообще. У него была дочка от первого брака, потому что он успел в восемнадцать лет жениться и сделать ребеночка, и бросить жену. В моем случае я его оставила. И я уехала опять в Житомир, оставив его, и там я работала в военных частях, преподавала русский язык офицерам, учила их минимуму гра-
мотности, потому что это было ужасно, очень низкий уровень.

- А они были русские?

Handwritten notes in green ink:
1. Я
Кухня

Handwritten signature in green ink:
Me...
him

- Русские, украинцы - полуграмотные люди. Генералитет был очень культурный тогда. Потом это все поколение было срезано, а средние командиры были очень безграмотные, совсем деревенские мужики или рабочие от станка. Вот, я преподавала русский язык и кончала вечерний институт, этот же, и получила диплом. А потом вышла замуж за своего основного мужа, с которым у меня потом было двое детей.

2nd
husband (Он ленинградец, петербуржанин.)

- А вы встретили его первый раз в Ленинграде?

- Да, в Ленинграде мы были знакомы. Мой первый муж завел роман с одной актрисой, любовником которой был мой будущий второй муж. И когда я уехала на каникулы к матери, мой первый муж завел роман с этой актрисой. Когда я вернулась и узнала, я сказала, что решила вообще кончать наши отношения, а сейчас я просто уеду. Потому что она покушалась на самоубийство из-за моего первого мужа, поскольку он ей все время пел, что мол я возвращаюсь и всё между ними кончено. Кроме того, она должна была ехать на гастроли и из-за романа с ним не поехала. И она была без гроша, и мой будущий муж всё время прибегал и снабжал ее деньгами, зная, что она уже с другим. Так что мы уже знакомы были, но любовь у нас позже началась, на год позже.

- Это в каком году было?

1935-36
- Это был тридцать пятый, тридцать шестой год. В это время уже в Ленингаде прошла паспортизация, и я получила ленинградский паспорт, что было тогда очень важно.

- А как вообще люди реагировали на эту новую систему, на эту паспортизацию?

- Не знаю. Во всяком случае у меня не было впечатления, что это дальнейшее закрепощение. Я этого не поняла. Там были были другие закрепощения, гораздо более откровенные. А паспортизация - это вроде как мы становимся более цивилизованным государством. У тебя будет новенький паспорт, красивый. Такое было у меня впечатление. Как раз в те годы...

- Это был тридцать шестой?

mid 30's
- Да, тридцать шестой-была принята конституция, и конституция была не так уж плоха. Это было время надежд, надежд интеллигенции. С продуктами стало легче, в магазинах всё было. Это было очень недолгое время благоденствия. Работы было много. НЭП - было время цветущее, но было огромное количество людей, которые дико нуждались и были без работы. А тридцать пятый - тридцать шестой год - это было время все-таки относительного благополучия, то есть, кто хотел, тот работал.

- Была какая-то передышка между коллективизацией и террором?

- Да. Хотя Ленинград подвергался еще дополнительному террору после убийства Кирова. Дело в том, что Ленинград всегда страдал от всех чисток, которые проводил Сталин по стране, кроме того, он ведь всегда ненавидел Ленинград и боялся его, Петербурга, бывшей столицы. Там больше истребляли интеллигенцию, там было подавление Кронштадтского мятежа, когда расстреляли мужа Анны Ахматовой поэта Николая Гумилева. Недавно получили доступ к его делу, и оказывается, он совершенно не участвовал в этом заговоре, а его расстреляли только за то, что он не донёс. Знал о заговоре, но не донёс, что для интеллигента, поэта, ~~иногда~~ порядочного человека, было просто немислимо. Но тем более, что возможно, он сочувствовал этому заговору.

Leningrad

Там происходили заседания дворян. Вообще, Сталин делал дополни-
тельные кровопускания Ленинграду, причем очень тяжелые. И одно из
таких было после убийства Кирова, когда десятки тысяч людей по-
страдали, уехали в ссылку. У меня приятель был, журналист, очень
скептический человек. После убийства Кирова его сослали в ссылку.
Так он говорил: "Хозяин на минуточку забыл, как было дело: решил,
что это я убил Кирова и сослал меня в ссылку. Но поскольку он чело-
век благородный - это он о Сталине, - то он вспомнил, что это он
сам убил Кирова, и вернул меня из ссылки и разрешил жить в Ленин-
граде. Так что дополнительные кровопускания были, и тем не менее
в то время настроение интеллигенции - а с другими слоями я пожа-
луй что и не общалась - было радужное, много было надежд, что всё
идет к лучшему. И как всегда: кого-то выслали, но это не тебя,
и потому вроде тебя и не касается. Кого-то там выслали, кого-то
там притесняли. Это не было еще время того террора, когда все
боялись: эти грабли мели всюду. Это были годы, по-моему, наибольших
надежд. И вот конституция, которую всерьез принимали, выборы. Но
мой второй муж, у него была очень сложная биография: он был на двад-
цать пять лет старше меня. Он кончил два факультета Петербургского
университета в пятнадцатом году: юридический и математический; и был
адвокатом, потом был юристконсультом. После февральской революции
он был начальником милиции Архангельска, потому что он архангелого-
родец, он родился в Архангельске и жил там до поступления в уни-
верситет. А в двадцать девятом году его посадили за экономичес-
кую контрреволюцию: он просидел под следствием два с половиной го-
да. В тридцать первом или в начале тридцать второго его выпустили.
В это время жена его умерла от туберкулеза и от горя - но вообще

2-й
муж

Husband

она была больна туберкулезом. Им есть было нечего, когда его посадили: она не работала. И она умерла довольно быстро от истощения и обострения туберкулеза, а двое его сыновей просто стали безпризорниками, ворами и уголовниками. Его выпустили без суда - по-видимому, они затевали дело... Это было после шахтинского дела, процесс^а промпартии, вообще, истребляли специалистов дореволюционных. По-видимому, архангелогородцы решили создавать тоже большое дело: было довольно много арестованных по этой экономической контрреволюции. Каждое НКВД или ГПУ - не помню, кто из них был в то время - мечтало созать свое громкое дело, продвинуться, хватать наград, повышений, расширить штаты. Поэтому Архангельск тоже был в их числе. А потом - или начальство цыкнуло или что - выпустили этих людей, которые сидели под следствием два с половиной года без суда; и сказали ему, что он может заниматься чем угодно. Он сказал, что в стране, в которой нет права, он не может заниматься правом. И поэтому он уехал в Ленинград из Архангельска, где он видеть не мог своих сослуживцев, которые на него доносили, вообще отвратительно все это ему было. И занимался с тех пор только математикой. Одно время он преподавал матынь в каком-то институте. Он был чрезвычайно образованный человек.

Husband

- А как его звали?
- Его звали Давид Яковлевич. Мы с ним тоже не регистрировали брака, причем он несколько раз просил меня об этом. Но, во-первых, я не была разведена с моим первым мужем. А потом наш брак тоже не долго длился. Мы прожили вместе четыре года, а потом я уехала, и

мы больше не виделись. Я уехала из-за того, что я заболела снова костным туберкулезом, мы расстались на год. Там меня застала война, и больше мы не увиделись.

- А все-таки в эти четыре года родились двое детей?

- Да, двое детей, но дочка погибла в войну. В течение трех месяцев в войну я потеряла мужа, мать и ребенка.

- Все они погибли в сорок первом?

- Да, в сорок первом.

- А в каком году вы заболели?

- В тридцать девятом. Д

- А до этого ~~уже~~ был в Ленинграде террор, которого уже все боялись?

- Да.

- А можете вы еще раз дать какой-то колорит?

- Ну, я не знаю... Ну, во-первых, мы жили в огромной коммунальной квартире: восемь комнат, восемь семей. Когда-то эта квартира принадлежала сестре моего мужа.

- Второго мужа?

- Ну да, основного, настоящего, потому что первый, хоть и называется муж, но...

- Какой это муж?

15+
- Ну да, скорее какой-то был роман, не оставивший у меня никаких следов, никакой травмы. Ни сами отношения, ни расставание с ним не были для меня ни переживанием, ни травмой. Нелепость - по молодости лет, к которой я даже склонна была относиться с юмором. Когда я говорю муж, я всегда имею в виду второго. Это был необычайный талантливый человек: он был великолепный шахматист, немножко

husband

(не дотянувший до мастера, с ним играли гроссмейстеры, он знал де-
сять языков, он кончил два факультета, и математик был прекрасный,
и вероятно, был очень хороший адвокат, этого я не знаю. Вот как раз
в годы террора он вывел такую формулу: "Арестован на предмет выясне-
ния причин задержания". Так вот, это была квартира его сестры, а
муж этой сестры, которого я не знала - он умер - был нэпман, по-
этому квартира была большая, восьмикомнатная, в центре города хоро-
шая, большая квартира. Не дворец, но хорошая квартира. Так вот, в
ней жило восемь семей, кстати, жили дружно - то есть, бывали и
ссоры, но вообще жили дружно. Это был совсем не тот кошмар, ко-
торый наступил потом. Скажем с начала пятидесятых годов коммуналка
стала проклятием, во-первых, потому что переменился состав город-
ского населения. В Ленинграде - опять-таки больше, чем в других
городах, потому что прошла блокада, за время которой по каким-то
данным умерло полтора миллиона человек, не говоря о потерях на
фронте; вообще Ленинград был истреблен, и нахлынули новые люди из
деревень и маленьких городишек, а это публика была страшная и очень
низкой культуры. Городской культуры ленинградской не было. И до
войны не помню, чтобы когда-нибудь была в автобусе или троллей-
бусе при посадке давка. Люди становились в затылок друг за другом
в очередь, никто не лез без очереди, никто не штурмовал силой.

51-59

FROM
SI